

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Г.А. ОРЛОВА

Бюрократическая реальность*

Что значит грубый факт жизни
перед высочайшим приказом?

А. Герцен

Использование письменных технологий - один из основных способов трансляции и воспроизводства власти в обществе. Бюрократическое делопроизводство, возникшее как результат сращивания государственных институтов и социокультурных практик создания текстов, представляет собой не только корпус документов, но и особую *стратегию управления*, эмблематичную для рациональной власти. В документальной сигнификации социальной жизни реализуется претензия государства на тотальный контроль в основных медиативных сферах: документ структурирует социальные факты в соответствии с государственным каноном, закрепляет генеральные схемы интерпретации действительности, объективирует стремление к упорядочиванию и унификации общественного и частного опыта. Бюрократическая документация фиксирует письменную версию административного существования. Воспроизводимая и конструируемая в обыденных канцелярских практиках (способе составления справки и языке отчета, в порядке регистрации документов и передаче дела в архив, во взаимодействии с начальником и работе с просителем), она переживается как реальность.

Бюрократическая реальность может быть определена как мир административного опыта, структурированного посредством письма. Здесь действие с документом становится главной деятельностью государства: человек существует только в том случае, если существует документ, а сила бланков и подписей непререкаема. Бюрократическая реальность субъективно представлена как целостный, актуально данный мир, предлагающий схемы интерпретации и конвенциональные модели поведения в пространстве властных отношений. Ей присущи свои знаки и способы работы с ними. В той или иной степени в бюрократическую реальность вовлечены все жители государства, кому хоть раз приходилось быть автором заявления или странствовать по канцеляриям в поисках желанной печати.

Обращение к специфике, стратегиям конструирования и составу бюрократической реальности - это попытка создать на документальной основе гипотезу о российской

Работа выполнена при поддержке Московского общественного научного фонда в рамках программы "Российские общественные науки: новая перспектива" (грант № 393, междисциплинарный грант-98).

Орлова Галина Анатольевна - аспирант психологического факультета Ростовского-на-Дону государственного университета.

власти и пространстве ее осуществления. Власть рассматривается сквозь призму обыденных механизмов господства - бюрократического письма и процедур делопроизводства. В малоинтересном прежде для гуманитария материале - корпусе деловых бумаг и схемах канцелярской деятельности - открываются новые темы и смыслы. Со стороны психологии и семиотики - это фиксированные способы знакового контроля, сигнализация обыденной жизни в нормативных письменных системах, документальное удвоение реальности и адекватные ему стратегии властного поведения. Теоретические построения наложены на конкретный источниковедческий материал (письменные источники XVIII-XIX веков: документы из фонда Атаманской канцелярии Государственного архива Ростовской области, законодательные акты и воспоминания современников).

Письмена власти

Бюрократическая реальность возникает на основе документальной записи как результат противоречия между письменной и неписьменной версиями события. Введение обязательного протоколирования всех властных действий и тотальное использование письма для организации управления в петровскую эпоху определяло государственные приоритеты в континууме "устное-письменное": "Всякий президент должен все указы Его Величества и Сената, которые надлежат быть письменные и заручённые, а не словесные, неотложно исполнить и оным две записки иметь" [1, с. 111]. В виде единой системы делопроизводства государство получило универсальный механизм осуществления властных функций. Между тем документальное опосредование приводило к искажению социальной реальности в ходе административного повествования.

Документ, в котором тесно переплетена норма и случайность, логика и повествование - не слепок административных действий, а своего рода произведение о них. Документальный канон предопределяет: 1) социально-типические позиции в пространстве власти; 2) стратегии коммуникации; 3) модели интерпретации событий и формы структурирования общественного и частного опыта. Использование реквизитов и документальных формуляров играет в административном конструировании главную роль.

Скажем, документальные сношения (основная форма властного взаимодействия государственных инстанций) представляют собой жестко регламентированные сообщения о процессе коммуникации, где форма документа и стратегии письма определены иерархической принадлежностью адресата и адресанта. Административные коммуникативные жанры строго зафиксированы законодательством: "Места высшие посылают в подведомственные им места указы, предписания и предложения, а получают от них рапорты, представления и донесения" [2, с. 152]. Равные места сообщаются посредством отношений, сообщений и введений. Государственный Совет издаёт манифесты и указы за подписью императора. Министры обращаются в Кабинет министров с представлениями и записками (и так далее вплоть до формы сношений низших чиновников). Запись события в разных документальных жанрах (например, приказе и донесении) не только различается по властной силе, но и предполагает особые стратегии интерпретации и схемы административных действий с документом.

Статус адресата и адресанта в государственной иерархии объективируются в бюрократическом дискурсе на грамматическом, семантическом, синтаксическом и прочих уровнях. Он отражен в документальном обращении, формах административной вежливости, стратегиях повествования, оформлении реквизитов. В сношениях равных и низших инстанций с высшими употребляется предлог "в" (в канцелярию Министерства внутренних дел). В сношениях высших с низшими адресат пишется дательным падежом (Черкесскому сыскному начальству). "Когда старший пишет к младшему, то обыкновенно при означении звания, чина и фамилии он подписывает собственноручно только фамилию; когда младший пишет к старшему, то сам и подписывает звание, чин и фамилию... Начальник ставит дату письма сверху, подчиненный - внизу" [3, с. 47].

Ролевая идентификация в системе "начальник - подчиненный" определяет степень активности повествователя, локализацию инстанции авторства. В государстве, существующем в письменах, авторство - это атрибут власти. Власть проявляется как сила Слова, Имени и Воли в наименовании, обозначении, классификации социальных фактов. Она закрепляется документально и персонализирует ту или иную версию интерпретации реальности. В Российской Империи право на генеральную сигнификацию и тотальное авторство принадлежало императору. Административные действия осуществлялись "именем императора": "Гражданское Присутствие - высшее в губернии место, управляющее оной в силу законов именем Императора" (здесь и далее сохранено нормативное правописание того времени). Основным мотивом документального письма является исполнение "высочайшей воли": "Во исполнение сей МОНАРШЕЙ воли ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Г. Министр имел счастье представить на ВЫСОЧАЙШЕЕ благоусмотрение соображения свои. Таковые предложения одобрены ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ" [4, ед. хр. 3778]. Государственный Совет "имеет мнения", высшие чиновники "высказывают предположения", "предварительные суждения", а степень повествовательной активности низших чиновников крайне ограничена. Пишущий говорит по повелению вышестоящей инстанции или же выступает информатором, бессильным что-либо изменить ("долгом своим почитаю донести", "о таковой высшей воле считаю долгом сообщить Вашему Превосходительству для неукоснительного исполнения") [4, ед. хр. 490].

Административно одобряемые стратегии коммуникации закреплены в канцелярских клише ("припадаю к священным стопам", "во исполнение ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения", "пребываю с истиннейшим моим к Вам почтением и совершеннейшею преданностью", "о чем всеподданнейше представляю", "покорнейше прошу уведомить меня", "объявляю для надлежащего сведения и исполнения" и пр.) [4, ед. хр. 171, 379, 581]. Они фиксируют типические действия, отношения, чувства. Наибольшей стандартизации подвержены начало и конец документа, образующие модель универсального пространства взаимодействия.

Уникальные факты, объективированные в конкретике официального письма, становятся доступны языковым манипуляциям. Для реструктурирования и реконструкции административного, общественного и частного опыта власть использует универсальные стратегии документирования: упорядоченные последовательности действий (операции делопроизводства), фиксированные способы изложения событий (канцелярской нарратив) и особый язык. Отдельное действие соотносится с существующей классификацией, подвергается обобщению и типизации. Кто не знаком с административной герменевтикой? Например, эмблематичное "уволен по собственному желанию" унифицирует многообразие жизненных обстоятельств. В пространстве документа из формальной последовательности событий, каноничных эпизодов и канцелярских клише конструируются новая человеческая судьба и новое пространство империи, упорядоченное, единообразное, управляемое.

Канцеляристика - это государственная литература, создающая документальный образ власти. Он, подобно бодрыйоровским образам, трансформируется от зеркала до симулякра, от протоколирования реального действия до подмены самого действия протоколом. Уже в начале XIX века один из сенатских ревизоров, князь Репнин, доносил в отчете: "Все дела в Черниговской губернии идут медленно, - и как чиновники, так и присутственные места довольствуются единственно писанием по оному 5-6 бумаг" [5, с. 262]. Письменное делопроизводство, первоначально вводимое как гарант законности и отчетности, постепенно приобрело самостоятельное значение универсальной технологии власти. Корпус документов конструирует государственную реальность, формирует механизмы управления, взаимодействия, социальные представления о власти и ее агентах, регламентирует нормы и стратегии социализации, права и обязанности, отношения гражданина и государства.

Государство имеет дело с событием и человеком, существующими в виде суммы протоколов, справок, выписок и заключений. Это, в свою очередь, ограничивает набор

административных действий пространством чтения и письма ("подшить в дело", "принять к сведению", "составить справку" и пр.). Самодостаточность официальной письменности предполагает особый стиль деятельности и тип чиновника. Е. Карнович писал об этом так: "По всем отраслям государственного управления преобладало канцелярское производство, а учреждение на исполнительном начале министерств способствовало всего более развитию особого типа петербургского чиновника, предreshавшего заглазно все местные потребности России и способы их исполнения только канцелярским порядком" [6, с. 14]. В письменных свидетельствах современников "письмоводство" и гражданская служба тождественны. А. Пушкин, подчеркивая свою удаленность от служебных дел, обращался к А. Казначееву: "Семь лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношениях ни с одним начальником" [7, с. 71]. А. Половцев описывал действия высшего чиновника в понятиях делопроизводства: "Надо читать и распределять входящие бумаги, назначать дела на доклад, исправлять журналы, словом, быть центром и организатором дел Совета" [8, с. 29]. Для средних и низших служащих количество составленных документов служило показателем успешной деятельности: "Если в столе бумаг было меньше 12 в неделю, то это считалось признаком, что в этом столе или вообще мало дела или занятия идут крайне медленно" (цит. по [9, с. 147]).

Логика развития российского администрирования в пространстве письма такова: от использования документа для фиксации недокументального действия к самодостаточности документальной записи. Решение дела превращалось в лингвистическую игру. Его реализация вне бумажного пространства не была регламентирована законодательством, не подлежала контролю, не воспринималась "в качестве самостоятельной стадии и технологии управленческого процесса... решения почти не просчитывались на реализацию" [10, с. 22]. В начале XIX века «деятельность подведомственных учреждений нередко сводилась лишь к четкому реагированию на каждую бумагу "сверху" по всем правилам составленной бумагой» [6, с. 147].

К. Веселовский так описывал свою работу в департаменте: "Бумаги, которые я писал, дела, которые производились, касались самых ближайших интересов крестьян, но этих жизненных интересов я не замечал из-за поглотивших меня формальностей... Жизнь, которую я обрабатывал, оставалась для меня мертвою буквою, значения которой я даже не подозревал..." [11, с. 821]. В этом высказывании обозначены две культурные реальности: "жизнь, которую я обрабатывал", "ближайшие интересы крестьян" и параллельно существующие "бумаги, которые я писал", "поглотившие меня формальности". Трансформация действительности в пространстве властных отношений заключается в сведении означаемого (жизни крестьян) к означающему (документу), к подмене события знаком, превращению документа в социальное событие. Российская власть подменила реальный мир миром проектов и документов.

Канцелярская эстетика

Власть, осуществляемая в слове, оказывается властью на словах. Происходит подмена политики эстетикой: "Все обстояло благополучно лишь на бумаге" [12, с. 6]. Документ исправляет и представляет реальность, а потому требования к составлению бумаг высоки. Ценностное отношение к процедуре создания документа и его форме придает административной деятельности квазиэстетический характер. В основе канцелярской эстетики - представления о том, что правильный документ - это хорошо оформленный документ.

В административных кругах ценились талантливые оформители - каллиграфы и стилисты: "Чтением и маранием бумаги все-таки я приобрел возможность составлять деловые бумаги, и этим я много выиграл по службе. Мои бумаги хвалили, начальники ласкали меня и просили написать сложное донесение" [13, с. 317]. Их работа считалась не ремеслом, но искусством: "Каллиграфическое искусство страшно поглотило меня. Я старался подражать всем известным в этом отношении мастерам" [14, с. 14]. Составление документа зачастую ограничивалось словесной эквилибристикой, ловкой

комбинацией канцелярских клише: "Начальство требовало, чтобы изложение было литературно выложено, выглажено, чтобы от него не пахло прежним канцелярским пошибом, причем на выточенность изложения обращалось иногда больше внимания, чем на сущность дела" [11, с. 31]. Форма явно предпочиталась содержанию. Пристрастное к ней отношение распространялось не только на способы составления документа, но и на прочие сферы административного существования.

Государственная деятельность становится механизмом для порождения "эстетически упорядоченных образов", формирования представлений о согласованном и действенном управлении по законам эстетического. Поэтика порядка позволяет структурировать социальный опыт в правильные последовательности, а административное воображение и канцелярская фантазия только усиливают бюрократическую фальсификацию.

Государство, где регламентированная форма есть лучшее содержание, теряет контроль над многомерностью смыслового пространства. Территория власти становится ареной административных фальсификаций и мистификаций: документальная и недokumentальная версии катастрофически не соответствуют друг другу. Чиновником особых поручений в Пензе был человек, по документам умерший и спасенный таким образом от уголовного преследования [15, с. 38]. Сенатор Сафонов неожиданно приехал ревизовать губернию и обнаружил, что новая набережная, на строительство которой отпущено несколько тысяч рублей, была построена лишь на бумаге [16, с. 312]. Во время ревизии барон М. Корф обнаружил, что "из числа трех присутственных судья по старости лет и слабому здоровью занимался чрезвычайно мало, один заседатель умер, а другой постоянно рапортовался больным, из числа двух секретарей один также умер, а другой... упал духом и при том решительно не мог ничего делать" [17, с. 375]. Однако несколько лет видимость работы присутствия имитировалась умелыми отчетами секретаря. Сама бюрократическая реальность, объективированная в документальных практиках, создает возможность для языковых экспериментов: исчезновение слова тождественно исчезновению объекта и наоборот. Не случайно искусство "отписаться" ("т.е. сказать о каком-либо шекотливом предмете нечто такое, чему можно придать любой смысл" (пит. по [18, с. 147])) высоко ценилось у российских чиновников.

Фальсификация - это не только нечистоплотность и корысть, это еще и неосведомленность, забвение предметных реалий в реалиях бумажных. Например, "Аракчеев приказал обсадить дороги Чудова елью, которой ближе 500 верст не было... Планы на каменные строения посылались в такие места, где не было ни камня, ни леса для обжига кирпича; планы для постройки великолепных мостов посылались туда, где не было ни одной реки" [19, с. 255]. В пространстве документа территория империи унифицирована, уложена в неопределенные клише "в отдельных губерниях", "в некоторых местах". Это позволяет не принимать во внимание географические различия. К тому же документы из высших мест автоматически объективируют необходимый фрагмент государственной реальности, сомнения в которой не предусматриваются должностной инструкцией. Приказ нуждается не столько в исполнении, сколько в почтительном подтверждении уже установленных директивой фактов. "...Это дело казалось безмерно трудным всей канцелярии: оно было просто невозможно, но на это никто не обратил внимания, все хлопотали о том, чтобы не было выговора" [20, с. 229]. Потому-то в административной деятельности выработаны особые критерии качества: блестящий литературный слог, каллиграфический почерк да соблюдение формальностей. Канцелярской эстетики оказалось достаточно для воспроизводства бюрократической реальности.

Феноменология российской взятки

Если невозможно упорядочить жизнь, чиновник ограничивается порядком в бумагах. Карнович заметил, что "большинство чиновников принадлежало к числу лиц, которые отдавали предпочтение решению дел формальным порядком на бумаге" [6, с. 92, 93].

Положение просителя можно было бы назвать безвыходным, если бы не специфический механизм социокультурной амортизации - неформальное взаимодействие с представителем власти (протекция, знакомство, взятка).

Именно взятка институционализована в российском сознании как наиболее эффективный способ взаимодействия обывателя с властью. Он открыт всякому, вне зависимости от связей и положения в обществе. Существуют неписанные формы взяточничества: дают непосредственно чиновнику, но чаще - через посредника, по предварительному сговору или наугад, тайно или явно, с задатком или без. Этический императив мздоимца: если берешь - делай. Об этом говорит и чиновник, описанный А. Герценом: "Нет, это уж извольте, это не такие люди, этого никогда не бывает, чтобы, получивши благодарность, не исполнить долг чести, - ответил секретарь до того обиженным тоном, что счел нужным его смягчить легкой прибавочкой благодарности" [20, с. 369]. О размерах взяточничества можно только догадываться, например, по результатам сенатских ревизий. В ходе одной из них "граф Санти и граф Кушников ревизовали Казанскую губернию и все чиновники были отданы под суд" [21, с. 25].

А. Оболонский, изучая специфику отечественной власти, приходит к выводу, что «неформальной, но общепринятой нормой поведения был обход закона, уклонение от его фактического исполнения по принципу "закон - что дышло..."». Одной из форм такого уклонения служила "договоренность" с чиновником... Так или иначе, но это открывало обеим сторонам "правоотношения" морально-психологический простор для взяточничества как почти легитимного способа решения проблем» [22, с. 72]. Легитимация взятки оформлена и в социокультурном стереотипе поведения чиновника - он должен "брать". Это блестяще демонстрировал чеховский герой, который заявлял, что неподкупность годится для покойника, но в отношении живого человека она - одна насмешка. Отказ чиновника от взяточничества встречается с удивлением ("Начальник экспедиции, где производилось мое дело, был оригинал, составлявший единственное в своем роде исключение. Он не желал иметь никаких сношений, никакого знакомства с заинтересованными лицами" [9, с. 459]) и даже недоверием ("В русской службе всего страшнее бескорыстные люди: взятку у нас наивно не берут только немцы, а если русский не берет деньгами, то берет чем-нибудь другим и уж такой злодей, что не приведи Бог" [20, с. 509]). В обществе взяточничество, с одной стороны, активно порицается, а с другой - не менее активно используется. А. Лубский объясняет это национальной спецификой правовых отношений, особым типом взаимодействия между обществом и государством: "...характер российского общества в отличие от западноевропейского определяется не столько соглашением подданных и государственной власти об обоюдном соблюдении законов, сколько молчаливым сговором о безнаказанности при их нарушении" [23, с. 47].

Справедливости ради следует сказать, что государство боролось со взяточниками. Они представляли альтернативу официальной власти. Петр I сурово расправлялся с мздоимцами - вплоть до смертной казни. Александр I горестно сокрушался в манифестах: "Из доходящих к нам непрестанно слухов с сердечным соболезнованием заключаем, что пагубное лихоимство (взятки) в империи нашей не только существуют, но даже распространяются меж теми самими, которые бы ими гнущиться должныствовали". Николай I боролся со взятками при помощи тайной полиции ("бюрократические войны"). М. Фок писал А. Бенкендорфу: "В среде бюрократии - общая тревога, пора и ей испытывать на себе, что всему существуют пределы, и что, наконец, надо отдавать отчет" [24, с. 525]. Однако результаты этой деятельности были неутешительны. Ф. Вигель подводил итог: "Оттого-то управление Москвою шло не лучше прежнего... все было продажное, все были на откупе" [5, с. 9].

Ю. Лотман определял российское взяточничество как форму компенсации: "Жизнь сопротивлялась мертвящим бюрократическим приемам в форме злоупотреблений" [25, с. 44]. На мой взгляд, перспективен анализ социокультурных и психокультурных причин взяточничества. В этом случае оно может быть рассмотрено как альтерна-

тивная официальной письменной власти *неписьменная* стратегия управления. Она призвана компенсировать неэффективность универсальных документальных технологий в решении конкретных дел. Государственная власть направлена на достижение метациелей: утверждение монополии на концептуализацию универсума; институционализацию властных отношений; конструирование государственной идентичности; формирование целостной административной системы; продуцирование государственной мифологии; структурирование легитимирующих структур массового сознания. Способы взаимодействия с этой властью не выходят за пределы документального пространства ("были бы бумаги скоро исполнены, а до людей подвластных им дела нет" [16, с. 317]). Официальной власти, беспристрастной и безличной, противостоит квазигосударственный институт мздоимства. Эта власть неформальна, сосредоточена на конкретном человеке и заинтересована в решении его проблем. Она осуществляется не государством, а человеком. Чиновник-исполнитель действует на грани двух реальностей - бюрократической и обыденной, совмещая их противоречия в личном опыте. Как должностное лицо он является представителем государства (имеет властную силу, ограничен документальными схемами), но как индивид он включен в обыденную реальность (способен действовать вне документального пространства и административных форм). Неэффективность документального кода меняется на действенность событийного благодаря взятке. Взятка позволяет перенести властные действия за пределы идеального, но безличного пространства государства в мир договорных отношений. Это на время снимает противоречия между событием и документом, уничтожает бумажную фальсификацию реальности. Метаморфозы перехода - это особый литературный сюжет. У А. Чехова в рассказе "Справка": "...чиновник ожил, точно его подхватил вихрь. Он дал справку, распорядился, чтобы написать копию, подал просящему стул - и все это в одно мгновение. Он даже поговорил о погоде и спросил насчет урожая" [26, с. 177].

Хронотоп бюрократии

Взаимодействие с властью происходит в особом культурном пространстве, основным социальным измерением которого является вертикаль (проекция государственной иерархии). Она конструируется и объективируется в стратегиях делопроизводства, строении документа, характере официального взаимодействия и в индивидуальном опыте служащего (через принятие ролей и языковую объективацию).

Делопроизводство как государственный ритуал четко разводит "верх" и "низ", бумаги из "высших" и "низших" мест. Из документального потока выделяются "Указы Императорского Величества, Правительствующего Сената и всех вообще высших мест". При поступлении они распечатываются в присутствии самим председателем, заносятся в отдельный журнал, исполняются незамедлительно, а по окончании дела требуют особого порядка подписания. Прошение, подаваемое в эти инстанции, необходимо составить на листе лучшего разбора, снабдив самой дорогой маркой (два рубля серебром). Документы из высших мест в ходе делопроизводства подвергаются персонализации, остальные - типизации. В инструкциях они объединяются небрежным "прочие бумаги" и идут обычным порядком.

Проекция государственной иерархии на сферу административных отношений - субординация - тщательнее всего соблюдается в деловой переписке.

Вертикаль структурирует документальные реквизиты (штамп, адрес, подпись, дату, название и пр.). "Штамп" - сведения об инстанции адресанта - воспроизводит государственную иерархию. Сверху вниз, убывающими буквами, вслед за головным ведомством нисходят подчиненные ему. Строго соблюдается иерархия подписей - их три ("подписал", "скрепил", "верно"). Они отражают этапы письменной деятельности, соотносимые с должностным статусом.

Верхние и нижние ступеньки иерархии - это два несопоставимых полюса. Российская бюрократическая вертикаль представлена бинарными парами "столица-губер-

ния" (географическое измерение) и "начальник-подчиненный" (интерактивное измерение). В российском сознании "по сравнению со столичной, служба в губернии всегда считалась неинтересной и второстепенной. Настоящая карьера была возможна только в столице" (цит. [по 18, с. 132]).

Противостояние полюсов вертикали в человеческом измерении - это противостояние "высшего-низшему" (чин), "большого-малому", "старшего-младшему". "Высший-низший" - разновидность социальной географии. Здесь локализация в пространстве является разновидностью субординации ("места высшие посылают приказы"). "Малый" чин определяется как "младший" ("когда старший пишет младшему"). Чинопочитание привязано к метафоре человеческих возрастов и соответствующих стратегий взаимодействия (уважение, признание, внимание к мнению старшего, исполнение его воли). Пара "большой-малый" объективирует социальный статус и значимость человека в зависимости от его места в иерархии.

"Верх" наделяется особыми свойствами: там обретают желанные статусы и роли, чины и должности, власть и силу. Во главе всего находился император - "высшая власть", "верховная власть". Особое пространственное положение сферы верховной власти переживалось буквально. Например, у П. Чаадаева: "Император, озабоченный более высокими предметами, мог, конечно, обратить на эту статью лишь беглое внимание, и покорный и разумный подданный сумеет по достоинству оценить ту *удаленность* и *высоту* (курсив мой. - Г.О.), на которую поставлен монарх для блага народов, и добросовестно подчиниться этому обстоятельству" [27, с. 378].

Иерархия чинов включала 14 классов, определенных в "табели о рангах". "Высшие чиновники" - это представители первых пяти классов, "средние" - те, принадлежал к 6—8 классам, остальные определялись как "низшие". Кроме того, существовали канцелярские служащие, не имевшие класса, - писари, копиисты, курьеры. Первая группа объединяла представителей высшей бюрократии: членов Государственного Совета, министров, сенаторов, директоров департаментов, генерал-губернаторов, губернаторов, председателей казенных палат. Ко второй относились советники, начальники отделений, полицмейстеры, градоначальники, губернские прокуроры - ядро губернской администрации. Представители низшего чиновничества являлись рядовыми исполнителями в столице (столоначальниками, экзекуторами), но в уездах они составляли верхушку администрации: судьи, казначеи, землемеры, заседатели, секретари.

В зависимости от чина обращение менялось от "Ваше Высокопревосходительство" до "Ваше благородие". По чинам разносились блюда за столом, подавались почтовые лошади, шились лакейские ливреи. Чин требовал почтения, доходившего порой до заискивания, переходившего в унижение, которое становилось стилем жизни. Бюрократический патернализм и этатизм закрепляли за старшим чином право на истину, власть, влияние, инициативу; младшему при этом оставалось безропотное подчинение, отсутствие инициативы, социальная "робость". В сознании россиянина начальник означен как старший, сильный, правый: подчиненный как слабый, младший, ошибающийся: "Видя всемогущество Дубельта, я рассудил, что спорить с таким господином, как он, опасно" [28, с. 311]. Размещение в должностной иерархии определяет стратегии идентификации чиновника в континууме "начальник-подчиненный", "преуспевающий-неудачник", "важная персона - мелкая сошка".

Наряду с вертикалью санкционированной, подкрепленной знаками, существует альтернативная система бюрократических отношений - инструментальная *горизонталь*, опирающаяся на опыт повседневности и канцелярские процедуры. Ключевыми фигурами здесь становятся непосредственные исполнители: секретари и столоначальники. На них возлагается непростая задача - совместить событие и формуляр. Потенциальные эксперты по части события (просители) не владеют кодами бюрократической реальности: они не образованы или юридически безграмотны. Начальство, компетентное в канцелярских тонкостях, незнакомо с событием вне записи. Лишь чиновник-исполнитель соотносит обе реальности в ходе делопроизводства. От его

интерпретации зависит документальная версия события, а значит, и дальнейший исход дела. Бюрократическая эпоха - это время всемогущих секретарей и столоначальников.

П. Валуев отмечал: "Судьба представлений губернских начальников и генерал-губернаторов весьма нередко зависит не от гг. Министров, но от столоначальников того или иного министерства" [29, с. 27]. Власть в руках того, кто ежедневно конструирует государственную реальность в документах.

Иерархия чинов и должностей (вертикаль) и место чиновника в процессе делопроизводства (горизонталь) образуют особую систему, относительно которой определяется значение всякого чиновника. Интериоризация государственной вертикали в индивидуальной биографии: карьера - *бюрократическая судьба*. Она представляет собой стержень частной жизни в бюрократической реальности, становится основным событийным содержанием биографии. Изменение служебного положения описывается в понятиях движения вверх: "подняться по канцелярской лестнице", "служебный рост". Карьера предполагает поступательное движение от малых чинов к большим. Нарушения этой поступательности - артефакты: "После двух лет скучных занятий делами варваров, я был назначен столоначальником. Это был первый пример, где была обойдена первая ступенька иерархической лестницы. Этот прыжок произвел сенсацию" [9, с. 668].

Критерии успешной карьеры - скорость продвижения по службе, занимаемая должность и место службы ("Я испытывал великое наслаждение, занимаясь в высоких, светлых и чистых комнатах, в которые я входил как свой человек" [14, с. 35]), мнение начальства ("мною были довольны, о большем я и не мечтал" [30, с. 517]), знаки отличия ("открыло путь к наградам" [5, с. 49]). Достижение высоких должностей - сложнейшая интрига бюрократического мира. "И мне удалось бы достигнуть тех титулов и получить те высшие знаки отличия, которые достались в удел не только многим из моих сверстников, но даже нескольким из моих подчиненных" (цит. по [18, с. 134]). Продвижение по службе требует вложения значительных сил, что отразилось в инструментальном выражении "сделать карьеру".

История жизни - это цепочка должностей. По мнению А. де Кюстина, русские оживлялись лишь в том случае, когда речь заходила о карьере [14]. В своих воспоминаниях автор-чиновник нередко описывает людей в понятиях занимаемых ими должностей относительно прошлого и будущего. Например, "...это был толковый столоначальник, удачливый чиновник... ныне товарищ Министра внутренних дел" [30, с. 531]. Определяющим маркером социальной идентичности является чин. Как всегда эмблематичен Н. Гоголь, писавший, что "у нас прежде всего нужно объявить чин..." [32, с. 174]. Перемещение по бюрократической лестнице существенно изменяло социальную картину мира чиновника. Появлялись новые знаки и новые стратегии взаимодействия, изменялось отношение к человеку.

"Ловля чинов" - авантюрный роман по-русски, *погоня за знаком*. Знак в пространстве письменной власти много важнее человека, так же как документальная запись важнее события. Иностранец фиксирует значение государственного знака в России: "Здесь все зависит от чина - не спрашивают, что значит такой-то, что он сделал или может сделать, а какой у него чин" (цит. по [33, с. 58]). Чин отделяется от деятельности, за которой он был первоначально закреплен. Придворный певчий, например, может быть коллежским регистратором [6]. Тайный советник, который первоначально должен был сопровождать государя инкогнито в заграничных поездках, теперь уже никого нигде не сопровождает. Между тем именно «слово "чин" стало обозначением важнейшей особенности русской действительности... Фикция господствует над жизнью, ею управляет» [25, с. 33].

Ордена - это награды-знаки. Они были введены Петром I вместо наград-вещей. Со временем ордена перестают обозначать реальные достижения и заслуги чиновника. Их можно получить за умеренное вознаграждение или же по протекции, приурочить к юбилею. Во второй половине XIX века появляются похвальные листы (тексты-награды). Это знак, отделенный от причины и самодостаточный (имеющий само-

стоятельную социальную ценность), который в пространстве бюрократической реальности оказывается автономен. Его условность и немотивированность превращают бюрократическое событие в ритуал.

Ритуалы живы только в особом времени. Бюрократическое время привязано к ходу документальных событий. Одна из темпоральных характеристик - последовательность - регламентировалась законодательством и многочисленными инструкциями. Другая - длительность канцелярских действий - зависела от статуса бумаги. По срокам дела могли быть текущими, чрезвычайными, "не терпящими времени" (от шести недель до шести месяцев). Скорость их движения - один из основных критериев успешности делопроизводства.

Общее административное время воспринималось дискретно: 1) как время какого-то конкретного правителя ("век Екатерины", "в то время начальником канцелярии был..."); 2) как период существования системы управления ("во времена коллегий"). Связь между временами не всегда обнаруживается, с изменением начальства могло измениться и "время канцелярии" (сроки делопроизводства). Чиновник вспоминает, что с приходом графа А. Закревского в министерство сроки ответов на губернские представления резко сократились (до двух недель) [19]. Это способствует восприятию времени как непостоянного и изменчивого.

Для отдельного чиновника ход административного времени, регламентируемый действующими на данный момент сроками, фиксирован жестко: "Все различия служебных достоинств, все способности одинаково подведены под мерило срочных производств" [34, с. 513]. За выпадение из времени или же несовпадение с универсальным временем чиновник наказывался (выговор, взыскание, увольнение из штата, исключение из списков), а в петровские времена пятимесячное промедление влекло за собой лишение имущества и ссылку на галеры [35].

В жизни чиновника время раздроблено на служебное и личное. В большом пространстве жизненного пути служебное время - это сроки достижения должностей (чем выше была персона, тем быстрее для нее текло служебное время); в малом пространстве повседневности - это сроки отдельных производств (фиксированное время), время выполнения отдельных операций и режим дня (определяемый законодательством). Должностная инструкция гласила: "Директору департамента и экспедиторам в седьмом часу утра быть со своими бумагами в кабинете, а будет нужно, то и после обеда в 6 часов" [36, 2 прим.]. Особое время - время внеурочной работы. Оно существовало вне жесткого регламента, а значит, предполагало дополнительное оправдание - похвалу начальства или даже награду. Личное время рассматривалось как дополнительное по отношению к служебному.

Для просителей бюрократическое время чаще всего оказывалось временем знаменитой волокиты. По словам Н. Винюкова, "Петербург не был бы Петербургом, если бы канцелярии его не проволочили дело месяца 2-3" [37, с. 127]. Однако ход этого времени также можно было изменить по договоренности.

Документальное время, вбирающее в себя многообразие канцелярских последовательностей и длительностей, трансформировано: прошлое не может завершиться без санкции начальства, а будущее уже свершилось в распоряжениях вышестоящих органов. С настоящим пишущего администратора связывает только акт письма, а потому власть обречена на письма, она балансирует на грани времен и культурных миров.

Государство живо бумагами. В непрерывном единообразном документальном потоке конструируется административное пространство Российской Империи. Документальный универсум связывает воедино многообразие форм социальной жизни, создает ощущение регулярности и контроля, целостный образ власти и государства. Документальные тексты (начиная с кодекса законов и кончая инструкцией о поведении на пожаре) регламентируют стратегии социального поведения. В административной

практике закреплён универсальный способ властного воздействия - письменное предписание и новый тип поведения - действие в соответствии с инструкцией. Мир и человек переписываются в соответствии с документальными требованиями, когда государство в стремлении к законности и порядку создает утопию формуляра - бюрократическую реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лебедев В.И.* Реформы Петра 1. Сборник документов. М., 1929.
2. Сборник законов Российской Империи. О составе и внутреннем устройстве присутственных мест. СПб., 1885.
3. *Толмачев Я.* Военное красноречие. СПб., 1829.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1.
5. *Вигель Ф.* Записки. М., 1929.
6. *Карпович Е.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897.
7. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М.-Л., 1938. Т. 6.
8. *Половцев А.А.* Дневник. М., 1966.
9. *Прежецлавский О.А.* Воспоминания // Русская старина. 1874. № 9-12.
10. *Пригожин А.И.* Организационные управленческие патологии // Общественные науки и современность. 1998. № 3.
11. *Веселовский К.* Воспоминания // Русская старина. 1903. № 10.
12. *Балицкий Г.* Россия при Николае I. М., 1906.
13. *Смогов И.* Записки // Русская старина. 1903. № 8.
14. *Инсарский В.А.* Записки // Русская старина. 1894. № 1.
15. Эпоха Николая I. М., 1910.
16. *Селиванов И.* Записки // Русская старина. 1880. № 6.
17. *Корф М.А.* Записки // Русская старина. 1899. № 10.
18. *Писарькова П.* Российский чиновник на службе и дома // Человек. 1995. № 3, 4.
19. *Дубровин Н.* После Отечественной войны // Русская старина. 1903. № 11.
20. *Герцен А.* Былое и думы. М., 1975.
21. *Михайлов Н.И.* Казанская старина // Русская старина. 1899. № 10.
22. *Оболонский А.В.* На службе государевой: к истории российского чиновничества // Общественные науки и современность. 1997. № 5.
23. *Лубский А.В.* Государственная власть в России (исторические реалии и проблема легитимности) // Российская историческая политология. Ростов-на-Дону, 1998.
24. Письма М. Фока к А. Бенкендорфу // Русская старина. 1881. № 9.
25. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. М., 1997.
26. *Чехов А.П.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 2. М., 1954.
27. *Чадаев П.Я.* Статьи и воспоминания. М., 1989.
28. Воспоминания чиновника // Русская старина. 1880. № 6.
29. *Валуев П.А.* Дневники // Русская старина. 1891. № 5.
30. *Катиани Д.И.* Записки // Русская старина. 1886. № 3.
31. *Кюстин А. де.* Николаевская эпоха. СПб., 1910.
32. *Гоголь Н.В.* Собрание художественных произведений. В 5 т. Т. 3. М., 1960.
33. *Шепелев Л.Е.* Отмененные историей. Л., 1977.
34. *Валуев П.А.* Дума русского. 1855 // Русская старина. 1893. № 9.
35. Организация работы с документами. М., 1998.
36. Столетие Министерства юстиции. М., 1902.
37. *Винюков М.И.* Воспоминания // Русская старина. 1891. № 1.